УДК 504:316.489(571.122)

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В ХАНТЫ-МАНСИЙСКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ – ЮГРЕ

Вавер О.Ю.

ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет», Тюмень, e-mail: glinkin_05@mail.ru

Выявлен конфликт природопользования между недропользователями и коренными малочисленными народами Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, который формируется при совпадении участков недропользования и родовых угодий. Данный вид конфликта сначала был выделен картографически, а затем – в период экспедиционных исследований в местах компактного проживания коренных народов. Характер конфликта – социальный, так как основные его последствия приводят к усилению социальной дезадаптации коренного населения. Механизм урегулирования конфликта – экономический, выражается в возмещении ущерба владельцу родового угодья. Основные последствия конфликта – недостаток площадей в пределах отведенных родовых угодий, на которых в будущем можно будет реально осуществлять традиционное хозяйствование (после пожаров, разливов нефти и т.п.). Кроме того, улучшение социально-экономической ситуации в настоящее время за счет выплат по экономическим соглашениям временное и в дальнейшем может привести к ее ухудшению, так как «легкие» деньги не способствуют мотивации к продолжению традиций. В связи с чем в будущем возможна ситуация, когда некому и негде будет сохранять традиционный образ жизни коренных малочисленных народов, проживающих на территории ХМАО – Югры.

Ключевые слова: конфликт природопользования, недропользователи, коренные малочисленные народы Севера, родовые угодья

THE ANALYSIS OF SOCIAL CONFLICTS OF ENVIRONMENTAL MANAGEMENT IN THE KHANTY-MANSI AUTONOMOUS OKRUG – UGRA

Vaver O.Y.

Tyumen State University, Tyumen, e-mail: glinkin_05@mail.ru

In the research there was revealed the environmental conflict between subsurface users and the indigenous peoples of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra, which is formed due to matching of subsurface resource sites and tribal lands. At the beginning this type of the conflict was discovered cartographically, and then it was proved within the field research in places of compact habitation of indigenous minorities. The conflict character is social as far as its main consequences lead to strengthening of a social maladjustment of indigenous minorities. The economic nature of mechanism of arrangement of the conflict is expressed in compensation of damage for a tribal land owner. The main consequence of the conflict is lack of area within the tribal lands where in future traditional use of resources will be possible (after fires, oil spills, etc.). Moreover the improvement of current social and economic situation at the expense of payments under economic agreements is temporary, and further can even lead to its deterioration as «easy» money doesn't promote motivation for keeping traditions. As a future result there may happen that there will be no place and nobody to follow a traditional way of life of the indigenous peoples in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra.

Keywords: conflict in environmental management, subsurface users, indigenous peoples of the North, tribal land

Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (далее – ХМАО-Югра) представляет собой ресурсно-сырьевой регион экспортной ориентации: в структуре промышленности нефтегазодобыча составляет 89,4%. Основной ареал нефтегазодобычи сосредоточен в центральной и восточной частях округа и при этом активно увеличивается, продвигаясь на юг. Промышленное освоение территории округа приводит к техногенной трансформации ландшафтов, что является источником не только экологических проблем, но и социальных: в ХМАО-Югре проживают коренные малочисленные народы Севера (далее – КМНС): ханты, манси, ненцы и др., для которых возможность ведения традиционного хозяйства является одним из условий сохранения этнического самоопределения. В связи с этим им предоставляются земли традиционного природопользования (для охоты, рыболовства, оленеводства, сбора дикоросов и т.п.) – родовые угодья. Часто интересы коренных жителей и недроразработчиков сосредотачиваются на одних и тех же территориях, что является поводом возникновения конфликтов природопользования.

Цель исследования – анализ конфликтов природопользования, формирующихся между недропользователями и КМНС как фактора, влияющего на социальную обстановку в местах проживания коренных народов.

Материалы и методы исследования

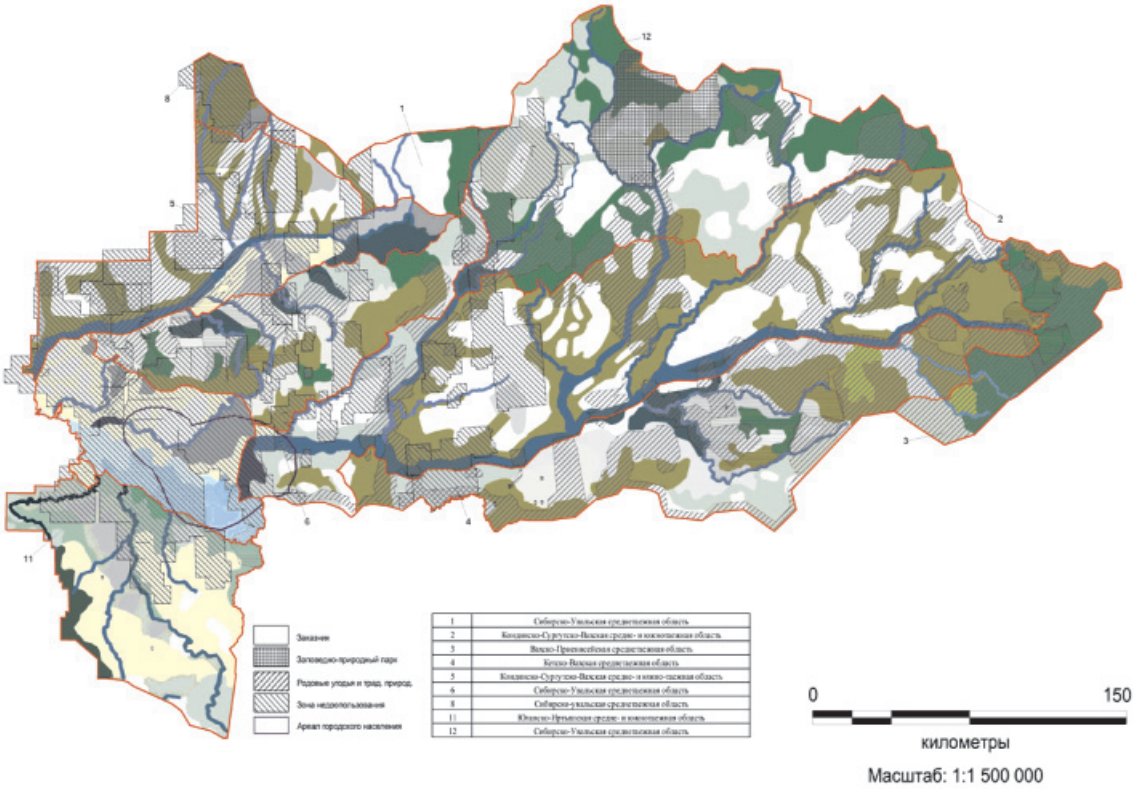
Материалами исследования являются результаты собственных экспедиционных исследований в Нижневартовском, Сургутском и Октябрьском районах ХМАО-Югры, анкетирования и интервьюирования КМНС в период с 2009 по 2012 годы (анкета разработана Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока совместно с Межведомственной комиссией по делам Арктики и Антарктики при Минэкономики РФ [2], дополнена автором).

Результаты исследования и их обсуждение

Выявление конфликтов природопользования в ХМАО-Югре проводилось путем сопоставления территорий недропользования (лицензионных участков нефтегазодобычи), традиционного природопользования (родовых угодий), природоохранного назначения (водоохранных зон, особоохраняемых природных территорий (далее – ООПТ)) и ареалов формирования городских агломераций на ландшафтной основе. При этом конфликты не разделялись на открытые и потенциальные, а рассматривалась принципиальная возможность их возникновения. Среди выявленных ареалов конфликтов выделены: моноконфликтные и поликонфликтные (по количеству возможных конфликтов); экологические и социальные (по характеру конфликтов).

К моноконфликтным отнесены ареалы пересечения: зоны урбанизации и участков недропользования, участков недропользования и водоохранных зон, территорий ООПТ и родовых угодий. К поликонфликтным отнесены ареалы пересечения интересов нескольких сторон (трех и более). Это участки недропользования – зона урбанизации – ООПТ; участки недропользования – зона урбанизации – водоохранные зоны; родовые угодья – участки недропользования – водоохранные зоны.

Экологический характер конфликт природопользования приобретает в случае, когда наблюдается пересечение ареалов недропользования, урбанизации с природоохранными зонами (водоохранными, территориями ООПТ). Социальный характер приобретают конфликты природопользования при совпадении ареалов недропользования и традиционного природопользования, недропользования и урбанизации (рисунок).



Карта-схема конфликтов природопользования в Нижневартовском районе ХМАО-Югры

Исследование наличия открытых социальных конфликтов природопользования проводилось в селах Аган и Варьёган Нижневартовского района; на территории сельского поселения Угут Сургутского района (включая собственно с. Угут и юрты Кинямины, Нюгломкины, Когончины); на территории сельского поселения Перегрёбное Октябрьского района (в д. Нижние Нарыкары и с. Перегрёбное). Данные территории были выбраны с учетом охвата представителей основных национальностей КМНС, проживающих на территории ХМАО-Югры; а также ряда других факторов: степени активности недропользователей в регионе, наличия в непосредственном

соседстве ООПТ (например, Юганский заповедник в Сургутском районе) и др. Всего в исследовании участвовало 154 человека, из них: 97 – ханты, 41 – манси, 15 – ненцы, 1 – коми.

Коренные малочисленные народы ХМАО-Югры относятся к этносам, ведущим оседлую или полукочевую жизнь в сельской местности. Их жизненный уклад, позволяющий жить в достаточно суровых природных условиях, длительное время не менялся. Усиленная колонизация территорий проживания КМНС, начавшаяся с экспансии русских в Западную Сибирь, повлекла изменение естественной природной среды, разрушение традиционных промыслов, привычного образа жизни, культуры и обычаев. Неприспособленность традиционных видов хозяйственной деятельности КМНС к рыночным условиям привела к обострению социальных проблем. Уровень безработицы в районах Севера, где проживают малочисленные народы Севера, в 1,5–2 раза превышает средний по Российской Федерации. Коренные малочисленные народы Севера практически утратили внутренние резервы, собственный потенциал, определяющий способность к саморазвитию [3]. Все вышеперечисленные проблемы актуальны, несмотря на то, что в Российской Федерации в целом создана правовая база в сфере защиты прав и традиционного образа жизни малочисленных народов Севера, законодательно закреплены меры государственной поддержки лиц, ведущих традиционное хозяйствование (в виде льгот, субсидий, квот на использование биологических ресурсов) [4, 5].

В настоящее время на территории ХМАО-Югры зарегистрировано 475 территорий традиционного природопользования. Наибольшее их количество расположено в Сургутском (107, общей площадью почти 4,7 млн га), Нижневартовском (133, общей площадью более 3 млн га), Октябрьском (54, общей площадью около 346 тыс. га) и Ханты-Мансийском (53, общей площадью 1 млн 11,1 тыс. га) районах.

На указанных территориях осуществляет традиционное хозяйствование 3 958 человек или 974 семьи из числа коренных малочисленных народов Севера, сохраняющих традиционный образ жизни, что составляет всего 12,8% от всей численности аборигенов. Из общего количества территорий традиционного природопользования 330 площадью более 10 млн га находится в границах лицензионных участков, из них: все территории традиционного природопользования Сургутского и Нефтеюганского районов; 41 – в Ханты-Мансийском районе; 40 – в Нижневартовском районе; 23 – в Октябрьском районе [1].

Проведенное нами анкетирование было направлено на выявление современных ценностных ориентиров КМНС, остроты социальной ситуации в местах проживания и конфликтов природопользования. Опрошенные КМНС могут быть разделены на 2 группы по месту проживания: в юртах (небольшие поселения от 1–2 до 15 домов) (14% опрошенных) и в поселках (86% опрошенных). Родовые угодья имеет 100% респондентов, проживающих в юртах, и около 25%, проживающих в поселках. 90% опрошенных владельцев родовых угодий объединены в общины коренных малочисленных народов.

Анализ результатов анкетирования показал следующее: только 83,7% респондентов можно отнести к категории коренных малочисленных народов, в той или иной степени сохранивших элементы традиционной культуры в различных её проявлениях. При этом можно отметить, что среди респондентов, проживающих в юртах, этот показатель составляет 100%, а среди респондентов, проживающих в поселках, – 72,5%. Подавляющая часть респондентов – 67,5% – идентифицирует себя как представителей коренных народов только по культурологическим признакам (язык, религия, традиции, фольклор). Всего 29,5% респондентов считают, что их народ отличает от остального населения России, прежде всего, особая культура природопользования. 6% респондентов вообще не ответили на этот вопрос.

73,6% респондентов имеют представления о благополучии, в той или иной степени соответствующие этнокультурному стереотипу коренных малочисленных народов. Среди респондентов, проживающих в юртах, этот показатель составляет 100%, а среди респондентов, проживающих в поселках, – 47,2%. При выявлении факторов, препятствующих благополучию семьи, приоритеты разделились следующим образом: чаще всего на первое место респонденты ставили такие позиции, как деньги, промысловые угодья и ресурсы, жилье (20, 18 и 18% соответственно). На втором месте по частоте упоминания находятся такие позиции, как качественное медобслуживание, нормальные бытовые условия и условия для образования (12, 8 и 6% соответственно).

При этом в 50% случаев первостепенный приоритет для проживающих в юртах имело наличие промысловых угодий и ресурсов, а для 50% респондентов, проживающих в поселках, первостепенный приоритет имело наличие жилья и нормальных

бытовых условий. Несколько респондентов предложили свои варианты ответов, которые отражают их активную гражданскую позицию: они считают, что необходимо социально-экономическое устройство, позволяющее вписаться малым народам в современный рынок, и управление, отвечающее этой же задаче.

Среди факторов, вызывающих наибольшую озабоченность респондентов, выделены следующие: алкоголизм и наркомания (70%), разрушение природы (40%), безработица (17%), обнищание части населения (17%), безразличие к своей судьбе (11%). При этом разрушение природы наиболее сильно затрагивает респондентов, живущих в юртах (50%), в то время как для 50% респондентов, живущих в поселках, наиболее актуальна проблема безработицы. Несколько респондентов предложили свои варианты ответов, отображающих их недовольство современным миром: агрессивность, власть, «загнивающее европейское мировоззрение».

82,5% респондентов имеют достаточно высокую социальную активность. Среди респондентов, проживающих в юртах, этот показатель составляет 95,5%, а среди респондентов, проживающих в поселках – 69,4%. На вопрос «Чего не хватает вашему народу для счастья?» ответил 71% респондентов, и их мнение отражено в следующих ответах: необходимо повышение уровня самосознания народа (гордости и уважения), осознание своей самодостаточности (осознание себя великим народом с огромной историей); необходимость ведения традиционного образа жизни, возможность рационального управления территорией, чтобы быть современными хозяйственниками, а не иждивенцами. При этом только 29% респондентов уверено, что традиционная культура сохранится и основная часть народа будет вести традиционный образ жизни. 19% респондентов считает, что традиционная культура сохранится лишь в этнокультурных центрах, а большинство коренных народов будут работать в иных, чем традиционное хозяйство, отраслях. Большинство респондентов – 50% – заявили о полной этнокультурной ассимиляции. При этом 48% респондентов, проживающих в юртах, считает, что народ сохранит свою культуру, а 67% респондентов, проживающих в поселках, считает, что произойдет ассимиляция в ближайшие 15–20 лет.

Эти результаты достаточно ярко отражают остроту социальной ситуации, сложившейся в среде коренных малочисленных народов, и во многом она усугубляется последствиями конфликта с недропользователями, наличие которого отмечали все владельцы родовых угодий. Сущность конфликта заключалась в самовольном начале строительства промысловых объектов в пределах территорий традиционного природопользования. При этом каждый конфликт «отягощен» последствиями, которые могут быть прямыми и опосредованными.

Прямые последствия – это трансформация окружающей среды при строительстве промысловых объектов, что лишает угодье ценности как охотничьего вследствие уменьшения количества промысловых животных, мест сбора шишек, других дикоросов. Возможные дополнительные воздействия (загрязнение отходами бурения, нефтью и подтоварными водами, пожары) усиливают последствия. В дальнейшем недропользователи не отказываются от ответственности; основная форма взаимодействия с КМНС – экономические соглашения, которыми закрепляется сумма возмещаемого ущерба владельцу угодий (в денежном эквиваленте, в виде товаров и услуг). Ущерб, возмещаемый владельцу угодий, выплачивается разово и по факту случившегося. В то же время нарушение качества угодий имеет долгосрочный характер и чаще всего восстановление нарушенного участка может произойти не менее чем через 50–100 лет.

Опосредованные последствия – усиление социальной незащищенности КМНС, которое явно выражается в беспокойстве нынешних владельцев угодий за судьбу своих детей: было высказано мнение, что детям не будет хватать имеющихся территорий для ведения традиционного хозяйства. Длительный период восстановления нарушенных угодий может привести к тому, что наследникам нынешнего владельца просто будет негде охотиться, рыбачить и собирать дикоросы.

Косвенно данный аспект конфликта выражается в незаинтересованности в ведении традиционного образа жизни и более ярко он выражен у поселковых КМНС: большая часть официально не трудоустроена и живет на детские пособия, пособия по безработице, пенсии. При этом, как уже отмечалось, только четвертая часть из них имеет родовые угодья. Среди КМНС, проживающих в юртах, этот аспект проявляется в безработице среди молодежи (мнение одного из респондентов, наиболее хорошо характеризующее ситуацию: «они пока ленятся, но потом «перебесятся» и ничего, работают…»).

Выводы

1. Картографический анализ конфликтов природопользования на территории

ХМАО-Югры показал формирование ареалов конфликта между коренными малочисленными народами Севера и недропользователями, а проведенные экспедиционные исследования подтвердили наличие такого конфликта, который по характеру нами классифицирован как социальный.

2. Механизм урегулирования конфликта – экономический, выражается в возмещении ущерба владельцу родового угодья. При этом 100% опрошенных владельцев родовых угодий и 80% не имеющих таковых достаточно четко представляют себе как явные, так и косвенные последствия данного конфликта природопользования. Явные последствия – недостаток площадей в пределах отведенных родовых угодий, на которых наследникам можно будет реально осуществлять традиционное хозяйствование (после пожаров, разливов нефти и т.п.). 100% всех опрошенных отмечают в целом ухудшение экологической обстановки в местах проживания из-за деятельности недропользователей.

Косвенные последствия – респонденты считают, что улучшение социально-экономической ситуации в настоящее время за счет выплат по экономическим соглашениям временное и в дальнейшем приведет только к ухудшению, причем резкому: «легкие» деньги провоцируют отсутствие мотивации к продолжению традиций (респонденты, проживающие в юртах, отмечают причину безработицы среди молодежи как «леность» – молодые не сразу готовы продолжать дело родителей, их зависимость от природы утеряна, и только позднее, когда они обзаводятся собственной семьей, приходит понимание необходимости сохранять традиционный образ жизни). В связи с чем в будущем возможна ситуация, когда некому и негде будет сохранять традиционный образ жизни коренных малочисленных народов, проживающих на территории ХМАО-Югры.

Исследование выполнено в рамках НИР № 10–12 по госзаданию Министерства образования и науки РФ.

Список литературы

1. Информация по поддержке экономического и социального развития коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре [Электронный ресурс] // Департамент природных ресурсов и несырьевого сектора экономики ХМАО – Югры: сайт. – мURL: http://www.ugrales.ru/?q = node/946 (дата обращения 30.09.2012).

2. Красовская Т.М. Природопользование Севера России. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – С. 263–270.

3. Назаров А.В. Проблемы развития народов Севера [Электронный ресурс] // On-line библиотека. – URL: http://www.xserver.ru/user/chukc (дата обращения 01.10.2012).

4. Положение о статусе родовых угодий в Ханты-Мансийском автономном округе. – Ханты-Мансийск: Новости Югры, 1992. – 200 с.

5. Права коренных народов Севера: реализация международно-правовых стандартов в Российской Федерации: сб. научных статей / под ред. Г.А. Бордовского, С.А. Гончарова. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. – 265 с.

References

1. Informacija po podderzhke jekonomicheskogo i social'nogo razvitija korennyh malochislennyh narodov v HMAO – Jugre (Information on support of economic and social development of the indigenous minorities in Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra). Available at: http://www.ugrales.ru/?q = node/946 (accessed 30 September 2012).

2. Krasovskaja T.M. Prirodopol'zovanie Severa Rossii (Environmental management of the North of Russia). M.: LKI, 2008. pp. 263–270.

3. Nazarov A.V. Problemy razvitija narodov Severa (Problems of development of the peoples of the North). Available at: http://www.xserver.ru/user/chukc (accessed 01 October 2012).

4. Polozhenie o statuse rodovyh ugodij v Hanty-Mansijskom avtonomnom okruge (The regulations on the status of tribal lands in Khanty-Mansi Autonomous Okrug). Hanty-Mansijsk: Novosti Jugry, 1992. 200 p.

5. Prava korennyh narodov Severa: realizacija mezhdunarodno-pravovyh standartov v Rossijskoj Federacii (Rights of indigenous peoples of the North: realization of international legal standards in the Russian Federation). SPb.: RGPU im. A.I. Gercena, 2005. 265 p.

Рецензенты:

Гребенюк Г.Н., д.г.н., профессор, заместитель генерального директора по развитию и науке, ЗАО «ТюменьНИПИнефть», г. Тюмень;

Луговской А.М., д.г.н., профессор кафедры физической географии и геоэкологии, ГБОУ ВПО «Московский городской педагогический университет», г. Москва.

Работа поступила в редакцию 26.10.2012.